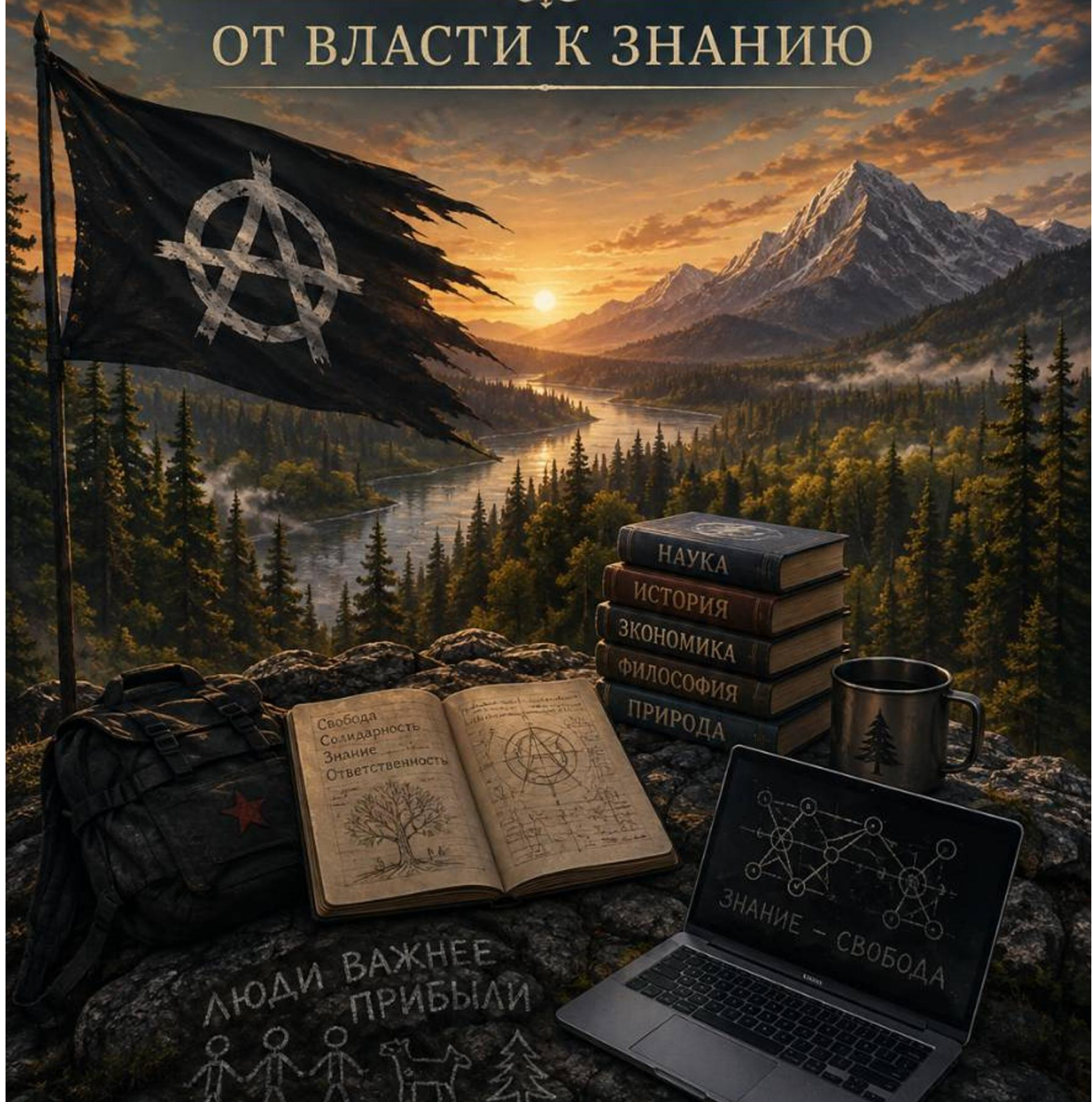

Ярослав Золотарев

АНАРХИЯ - МАТЬ ПОРЯДКА

ОТ ВЛАСТИ К ЗНАНИЮ

Ярослав Золотарёв

**Анархия - мать порядка.
От власти к знанию.**

«Автор»

2026

Золотарёв Я.

Анархия - мать порядка. От власти к знанию. / Я. Золотарёв —
«Автор», 2026

Можно ли построить сложное современное общество без государства, бюрократии и постоянной власти одних людей над другими? Автор предлагает взглянуть на старую идею анархизма с неожиданной стороны — через науку, информационные технологии, автоматизацию и искусственный интеллект. Современный мир уже научился координировать огромные сообщества посредством сетей, создавать открытое знание, автоматизировать труд и передавать человеку всё более мощные интеллектуальные инструменты. Почему же эти возможности до сих пор используются преимущественно для накопления капитала и усиления контроля? «Анархия — мать порядка» — это попытка соединить свободу, равенство и солидарность с научным мышлением и техническим прогрессом. Не возвращение в прошлое, а проект будущего: общества, где техника освобождает время, знание становится общим ресурсом, а порядок создаётся не властью, а самоуправлением свободных людей.

© Золотарёв Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Анархия	7
1. Никакой власти никому.	7
2. Собственность — это кража	13
3.	16
Мать	22
1. Не верить, а проверять	23
2. Не люди, а отношения	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ярослав Золотарёв

Анархия - мать порядка.

От власти к знанию.

Введение

Мы живем в мире, где человечество получило большую силу, но не знает, как этой силой управлять. Мы живем в обществе, которое стало слишком сложным для государства, которое возникло пять тысяч лет назад. Мировая экономика ныне связана в единую систему, но глобальными стали и наши проблемы: разрушение природы, бедность, войны и борьба за ресурсы.

Пандемии показывают уязвимость глобального мира, искусственный интеллект меняет рынок труда, климатические изменения требуют решений, которые не может реализовать национальное государство. Проблемы стали глобальными, но механизмы их решения остались локальными, решения напрямую зависят от интересов местных бюрократов и капиталистов.

Человечество нашего времени не знает, куда идти. Многие предлагают силовые решения проблем - усилить государство, увеличить контроль, расширить бюрократию и написать новую стопку инструкций. Однако сложность социального мира растет быстрее, чем способность власти ее контролировать.

Чиновники не имеют всей информации о событиях, да и не могут иметь. Крупные системы становятся слишком сложными для ручного управления. Решения принимаются в интересах тех, кто когда-то захватили деньги и власть.

Капиталисты, управляя миром в своих интересах и рассуждая об эффективности такой системы, поставили человечество на грань гибели. Погоня за бесконечным ростом превращает наше будущее в источник прибыли, истощая природные ресурсы и разрушая окружающую среду. Миллиарды людей продолжают жить в бедности, пока огромные богатства концентрируются в руках немногих. Государства соперничают друг с другом за влияние и ресурсы, устраивая войны, и достижения науки и техники, которые могли бы служить всему человечеству, становятся орудиями обмана и убийства.

Самый страшный сценарий будущего — это не исчезновение технологий, а их превращение в инструмент окончательного разделения людей. Уже сегодня богатство дает одним людям возможности, недоступные другим. Но что произойдет, если развитие биотехнологий позволит богатейшим слоям общества значительно продлить жизнь, улучшить здоровье и расширить возможности человеческого организма? Тогда неравенство может перейти из социальной сферы в самую биологию человека. Те, кто сегодня владеет ресурсами, могут получить возможность навсегда закрепить свое превосходство, превратив экономическое господство в новый вид вечной, неисправимой, генетически закрепленной иерархии.

Технологии создают изобилие, но доступ к нему определяется богатством. Знания создаются человечеством, но присваиваются элитой. Автоматизация освобождает от тяжелого и скучного труда, но плодит безработицу. Глобальная экономика требует сотрудничества, но в основе общества по-прежнему лежит конфликт и конкуренция.

Главным ресурсом нашего времени становится не нефть, земля или золото, а информация и знания, которые по самой природе могут быть разделяться многими и потому не соответствуют природе капитализма, то есть строя основанного именно на том, что один владеет ограниченным ресурсом, а другой нет. Знание может разделяться всеми без каких-либо потерь для каждого.

Поэтому анархизм возвращается. В результате государственной пропаганды для большинства людей слово «анархия» означает хаос. Но исторически анархизм никогда не означал отсутствие порядка. Он означал отсутствие господства. Хаос порождается как раз борьбой за власть и конкуренцией в иерархическом обществе.

Эта книга называется «Анархия — мать порядка». Это не парадокс и не эпатажный лозунг. Это идея о том, что отсутствие иерархии и рождает подлинную и крепкую горизонтальную организацию. Как это возможно в условиях науки и техники 21 века, что мешает и что помогает достижению этого идеала – это и будет главной темой данного исследования.

Структурно книга разбивается на три части:

«Анархия» - что мы критикуем и что хотим уничтожить в современном обществе: иерархию, капитализм и государственное насилие.

«Мать» - какие методы мы используем для революционного преобразования мира: позитивизм, структурализм и прагматизм.

«Порядок» - что мы хотим построить вместо старого мира: самоуправляющееся общество, основанное на науке, технике и солидарности (безгосударственный социализм).

Перед человечеством стоит выбор: использовать новые технологии для усиления старых форм господства или превратить их в основу общества свободы и сотрудничества. Анархия — мать порядка, потому что только освободившись от власти над человеком, мы сможем создать порядок, достойный человека. Это социальное спасение человечества на основе высокой морали и развитой технологии. Этому либертарному спасению и посвящена эта книга.

Анархия

1. Никакой власти никому.

На протяжении всей истории государства людям внушали, что без власти все неизбежно погрузится в хаос. Но действительно ли иерархия является естественной потребностью человека, или это лишь один из исторических способов организации общества, и к тому же весьма неудачный? Рассмотрим ряд аргументов против вертикальной организации социальных структур.

Психологический аргумент.

Если сторонники власти утверждают, что принуждение делает людей более организованными и эффективными, то этот тезис должен подтверждаться психологической наукой. Однако экспериментальные исследования мотивации на протяжении последних десятилетий говорят об обратном.

Хорошо верифицированной является теория самодетерминации Ричарда Райана (Self-Determination Theory). Согласно этой концепции, основными потребностями людей являются автономия (сами принимают решения), компетентность (считают, что разбираются в ситуации и потому действуют уверенно) и ощущение связи с другими людьми. Ситуация внешнего давления действует и против автономии, и против принципа компетентности (не дают разобраться), и поэтому человеком воспринимается автоматически некомфортно.

Известны классические эксперименты Эдварда Деси, который также поддерживает эту теорию. Они показали, что при полном контроле деятельности людей мотивация снижается, даже если за работу хорошо платят. Контроль вытесняет желание действовать самостоятельно, что снижает всякий интерес к работе.

Уместно вспомнить здесь и более известного Абрахама Маслоу, который говорил о пирамиде ценностей. После удовлетворения базовых потребностей в еде и безопасности происходит развитие высших желаний, таких как творчество и саморазвитие. Они невозможны в условиях постоянного принуждения и контроля, когда основной мотивацией становится избегание наказаний.

Исследования Теодора Адорно также показали, что длительное существование в авторитарной среде формирует привычку подчиняться сильным и одновременно доминировать над слабыми. То есть формирует типичную иерархическую личность, ничем не озабоченную кроме статуса в системе подавления (если не ты давишь, то тебя давят). Это очевидное психологическое обеднение личности, так как весь спектр чувств и стремлений человечества точно не сводится к стремлению подавлять других.

Американский ученый Михай Чиксентмихайи, исследуя состояния потока сознания, показал, что максимальная продуктивность достигается именно при добровольной деятельности при контроле за собственными поступками, страх же парализует и мешает работать. Итак, свобода усиливает мотивацию, а принуждение ее ослабляет, что является естественным аргументом против принуждения.

Человеком можно управлять двумя способами: заставить его работать или сделать так, чтобы он сам захотел работать. Современная психология убедительно показывает, что второй путь и более нравственный, и более эффективный.

Историко-биологический.

Этот аргумент – любимый у П.А. Кропоткина, и направлен против представлений Т. Гоббса, характерных и для многих современных неолибералов о том, что естественное состоя-

ние человека – это война всех против всех, и централизованное насилие, лучше всего централизованное государство – единственная сила, которая способна уберечь от взаимного самоистребления.

Однако как верно замечает биолог Кропоткин, государство возникло недавно, существует крайне незначительное время по сравнению с историей человека как вида. Человек сформировался как *Homo* миллионы лет назад и все это время жил без государства, которое появилось в незначительных по площади регионах Ближнего Востока всего пять тысяч лет назад. С тех пор оно неоднократно гибло и попытки распространить государство на сколь угодно значительные территории привели к краху, из них наиболее известная – Римская империя. По всей земле централизованное принуждение распространилось всего 100-200 лет назад в эпоху империализма, и в силу своего противоречия человеческой природе неизбежно рухнет вновь. Нет биологических оснований для иерархии между людьми, так как все они по природе одинаковые, а мозг адаптирован для вольной жизни первобытного охотника-собирателя.

Пётр Кропоткин в «Взаимной помощи» показывает, что сотрудничество является не исключением, а одним из важнейших механизмов выживания человечества. Традиционное социальное устройство *Homo Sapiens* – не иерархия, а община, где действуют всевозможные механизмы поддержания порядка без насилия – репутация среди родственников и знакомых, взаимные обязательства, традиции, общественное мнение, механизмы коллективного разрешения конфликтов.

Итак, исторически легко показать, что не было никакой «войны всех против всех», а государство исторически не уничтожило хаос, а заменило одни механизмы порядка другими. Задача первых государств не заключалась в ликвидации хаоса, а в организации тяжелой и отвратительной для человека работы по рытью каналов и обработке ирригированной земли.

Государство создало особый тип порядка. До него были горизонтальные связи, ассоциация с родовым коллективом и его традициями, личная ответственность за свои действия и принятие решений общими собраниями небольшого количества общинников. После возникновения государства нас регулируют новые, вообще не известные ранее человеческому роду структуры: законы, чиновники, армия и пропагандистский аппарат.

Для Петра Кропоткина также было важно, что даже в деспотическом российском государстве существовали огромные пространства, которые оно почти не регулировало. Формальное наличие государства совсем не означает полного контроля, поэтому современные централизованные бюрократические системы – вообще невиданный и нетрадиционный для человека вариант, ни психика, ни сложившиеся представления о нравственности никак его не переносят и потому централизованным государством систематически разрушаются.

Приведем примеры анархических зон внутри Российской империи. Это прежде всего казачество, для которого характерны войсковые круги, выборность атаманов, внутреннее самоуправление – та самая прямая демократия без посредников, за которую ратуют анархисты. Сибирские старожилы (чалдоны, старoverы, казаки) на огромных расстояниях в тайге и в степи практически никак не контролировались полицией и чиновниками, большинство вопросов решали сами и отличались высокой честностью по отношению к друг другу, традиционные сибирские социальные формы сам Кропоткин считает классическим примером безгосударственного социализма. Следует отметить также традиции кочевников, таких как казахи, киргизы, калмыки – вплоть до сталинской коллективизации кочевое общество имело собственные механизмы регулирования и коллективно принимало решения о своей судьбе.

Таким образом, нормальный и обычный социальный строй для человека – не государство, а его отсутствие. Централизованное государство – странный, совсем недавно начатый эксперимент, который к нашему времени вполне очевидно провалился и породил войны, несправедливость и экологический кризис. Следовательно, вопрос будущего заключается не в том,

способен ли человек жить без господства, а в том, способен ли он создать новые формы самоуправления, соответствующие современному уровню развития науки и техники.

Аргумент от эффективности.

С точки зрения самого бизнеса, цель которого отнюдь не благоденствие пролетариата, а прибыль и эффективность, вертикальное управление часто нерационально. Таким образом, сами же капиталисты в наше время внезапно занимаются традиционно анархистской критикой иерархии.

На протяжении веков считалось, что порядок возникает только тогда, когда существует начальник, который отдает приказы, а подчиненные их исполняют. Но современная теория управления, созданная не революционерами, а самими бизнес-школами и корпорациями, постепенно пришла к неожиданному выводу: жесткая вертикаль часто мешает организациям достигать своих целей. В результате даже капиталистические компании вынуждены искать способы уменьшить власть начальников.

Здесь можно упомянуть, в частности, идеи Фридриха Хайека о рассеянном характере знания. Этот либерал рассуждает следующим образом. Наилучшая информация о работе находится у тех, кто непосредственно работает. Например, лучше всего знает о состоянии поля тот крестьянин, который его обрабатывает. Начальник в любом случае получает только сокращенную версию информации. Чем больше уровней передачи в иерархии, тем больше искажений, и тем медленнее реакция на изменение ситуации. На самом последнем уровне связь с реальностью существенно теряется, что снижает эффективность бюрократической системы.

Либеральный теоретик бюрократии Макс Вебер также говорил о риске формализма в бюрократических системах. Цели системы – внутренние, а не внешние. Нужно сделать карьеру, а не работу. В результате человек не решает реальные проблемы, а выполняет инструкции и выслуживается перед начальством. Инициатива становится опасной: чем больше организация боится ошибок, тем меньше людей готовы принимать решения. И таким образом, как раз ошибки делают они больше.

Ранее мы показали, что контроль разрушает мотивацию эффективно действовать самостоятельно, в результате иерархическая система вводит все больше контроля, увеличивает количество отчетов, создает все больше начальников, тратит все больше ресурсов на проверку. Если половина сотрудников только и делает, что проверяет другую половину, разве можно назвать такую систему эффективной?

Современный менеджмент движется от командования к самоорганизации, примерами чего являются такие практики, как agile, автономные команды, распределенное принятие решений в организациях, холакратия. Можно упомянуть также идеи Петера Друкера: главный ресурс современной организации — не станки и не сырье, а знания работников. Но приказывать людьми, которые имеют знания, то есть сами разбираются в ситуации и знают, что им делать – все равно что управлять компьютером ударами молотка по клавиатуре.

Поэтому самые инновационные организации в мире современного бизнеса постоянно ищут способы приблизиться к горизонтальному взаимодействию. Примерами являются научные коллективы, технологические компании, исследовательские команды – и ведь они и создают главную в экономике 21 века высокотехнологичную продукцию. Чем больше творчества, тем больше знания – но ведь чем больше творчества, тем меньше смысла в иерархии.

Итак, иерархия исторически возникла как способ управления большими массами людей при недостатке информации и необходимости быстрого подчинения. Но в обществе знаний она начинает превращаться из преимущества в ограничение. Даже бизнес, построенный на конкуренции и прибыли, вынужден искать способы освободить людей от лишних уровней контроля. Если даже капиталистические организации обнаруживают пределы вертикального управления, то тем более общество будущего может искать формы координации, основанные не на приказе, а на сотрудничестве.

4. Этический аргумент.

Хотя часто у социалистов этический аргумент выступает первым, мы намеренно ставим его одним из последних. Ранее мы показали, что иерархия психологически некомфортна для человека, исторически человек без всяких потерь жил без нее, она неэффективна на производстве. Но даже если бы она была эффективна, она аморальна.

Почему один человек должен иметь право отдавать распоряжения другому? Почему чья-то воля должна иметь больший вес только из-за положения, должности или собственности?

Иманнуил Кант не был анархистом, но сформулировал главный тезис этики Просвещения: человек является целью сам по себе, а не средством для достижения чужих целей. Однако в иерархических системах начальник использует труд подчиненного, государство требует подчинения закону, а владелец бизнеса распоряжается работником. Только освобождение от иерархии превращает человека в свою собственную цель.

Критики идеи равенства указывают на то, что люди не идентичны полностью, их нельзя сделать совсем одинаковыми, поэтому якобы и относиться к ним нужно по-разному. Однако следует различать равенство способностей человека и равенство достоинства. Из того что люди различаются опытом и талантами, не следует, что они имеют разную ценность в этическом плане. Сторонники иерархии превращают функциональное различие («этот человек лучше знает конкретный вопрос») в социальное («этот человек вообще выше других»). К тому же в условиях, когда обладание деньгами может не зависеть от каких-либо способностей, связь между иерархией, построенной на деньгах и объективными различиями между людьми трудно проверить.

Государство практически с его основания создавало имидж «доброго барина»: царь заботится о своих холопах, крепостным так лучше, как говорила Екатерина Вторая. Однако проблема тут не в том, добрый начальник или злой, а в самой структуре: один решает, а другой подчиняется. Как отмечал Эрик Фромм, в иерархии подчиненные привыкают передавать ответственность за себя на начальника, а ведь это отказ от человеческой природы обладателя разума, способного к самостоятельным поступкам.

На практике это означает, что иерархия позволяет человеку снять с себя ответственность: я просто выполнял приказ, совершая моральное преступление. История XX века показала опасность такой позиции. Итак, когда исполнитель перестает чувствовать личную ответственность, моральное решение заменяется выполнением инструкции.

Часто неравенство пытаются обосновать представлением о том, что якобы есть некие естественные господа и естественные рабы от природы. Подобные идеи высказывал еще Аристотель. Это представление граничит с расизмом, но у современных либералов и правых может использоваться в смягченном или завуалированном виде. Суть все та же: одни якобы созданы руководить, а другие – подчиняться. В результате все равно вводится тезис о разной ценности людей (господа более ценны).

Анархизм не утверждает, что все люди одинаковы. Но из объективных различий между ними не следует право одного господствовать над другими. Генетический аргумент утверждает, что большинство людей не способны к самостоятельности от рождения. Но как измерить способность к господству, кто будет определять этих избранных господ? Исторически подобные теории почти всегда служили оправданием уже существующей власти, а именно аристократии, колониализма, расизма и фашизм. То есть сначала была группа, которая по каким-то причинам власть захватила, а потом она себя оправдывала, что она естественная раса хозяев.

В настоящее время хорошо известно, что биология не подтверждает идею абсолютного расового превосходства. Человеческие способности довольно сложные и они зависят от множества факторов, как генетических, так и социальных. Трудно выделить даже какие-то критерии «врожденного правителя». Более того, как указывает и П.А. Кропоткин, эволюционно

человек выжил за счет способности сотрудничать и обучаться, меняя свои социальные роли. Человеческая природа гибкая, жесткая кастовая система приводит к вырождению элиты, а не к воспитанию идеальных господ.

Иерархия нуждается не только в политическом, но и в моральном оправдании. Если человек признается существом, обладающим разумом и достоинством, невозможно принять идею о том, что одни люди от рождения предназначены управлять, а другие — подчиняться. Различия между людьми могут определять распределение функций, но не создавать отношения господства.

Свобода одного человека невозможна без свободы других, как говорил Михаил Бакунин. Поэтому мораль требует освобождения всего общества, чтобы в нем вообще не осталось несвободных, и борьбу не только за собственное достоинство, но и за уничтожение иерархических отношений в целом.

Координация между людьми необходима, но координация не требует господства. Совместные добровольные решения могут заменить отношения приказа и подчинения. Если человек обладает разумом и моральной ответственностью, он должен быть не объектом управления, а его участником. Общество свободных людей начинается там, где никто не имеет права считать другого человека инструментом для достижения собственных целей.

Исторический аргумент

Исторически, особенно в последние 250 лет в эпоху после французской революции, сфера произвольного господства сокращается и растет роль добровольного сотрудничества. Такой власти, как в средние века или тем более в эпоху рабовладения, у начальников уже нет. Если бы иерархия была естественной, почему же люди постоянно восстают против нее и постепенно добиваются более свободных отношений?

История не показывает пока исчезновение всех форм власти, но показывает, что многие формы власти, которые раньше считались естественными, позднее признавались несправедливыми. Тысячелетиями один человек мог принадлежать другому, теперь же рабство считается преступлением. Менее чем 200 лет назад в России было крепостное право, сейчас это считается полностью неприемлимым и диким. Еще в 18 веке повсюду господствовала абсолютная монархия, где власть правителя считалась естественной и данной свыше. Сегодня даже монархии в большинстве случаев ограничены конституцией, большинство населения Земли живет в республиках.

Параллельно с падением деспотизма растут добровольные объединения. Растет влияние профсоюзов, кооперативов, научных сообществ, общественных организаций и волонтерских движений. Люди постоянно создают сложные структуры без вертикального принуждения, и роль их увеличивается. Чем сложнее становится общество, тем больше оно зависит не только от приказов, но и от добровольного сотрудничества.

Представительная демократия, которую критикуют анархисты за непоследовательность, тем не менее выступила как промежуточный этап ограничения власти. Однако необходимо перейти к обществу полной свободы, где люди не только выбирают начальников, но и сами непосредственно участвуют в управлении.

Таким образом, история не только не доказывает невозможность анархии, но показывает постоянное расширение автономии. Противники анархизма говорят, что современные самоуправляемые общества им неизвестны, поэтому такая система ненормальна. Однако многие вещи, которые сегодня считаются нормальными, тоже когда-то казались невозможными: отмена рабства; равенство людей перед законом; всеобщее образование; политические права женщин и так далее. История движется от невозможного к реальному. Если когда-то человечество смогло отказаться от идеи, что один человек может владеть другим, то однажды оно может отказаться и от самой идеи, что одни люди должны управлять другими.

Итак, мы рассмотрели психологию, антропологию, менеджмент, этику и историю. Все они говорят об одном: иерархия не является ни естественной, ни единственно возможной формой общественного устройства. Следовательно, вопрос состоит не в том, нужна ли власть, а в том, как именно ее преодолеть.

2. Собственность — это кража

Рассмотрев политическую иерархию, перейдем к экономической, которая ничем не лучше. Ведь власть, основанная на деньгах, имеет те же результаты, что власть, основанная на законе. Изложим наши доводы.

Аргумент 1. Капитализм систематически усиливает неравенство.

Защитники капитализма обычно утверждают, что неравенство — естественная плата за свободу и экономическое развитие. Но где проходит граница, после которой неравенство перестает стимулировать общество и начинает его разрушать?

Как показал Томас Пикетти, при отсутствии специальных механизмов перераспределения богатство имеет тенденцию концентрироваться. Капитал приносит новый капитал. Крупные активы более устойчивы — их проще вкладывать в разные направления инвестирования. Крупный бизнес имеет преимущества масштаба: может купить дорогое оборудование, нанять лучших специалистов. Концентрация богатства — структурная особенность капиталистической системы.

Однако она и губит систему, так как становится большой проблемой для общества. Прежде всего, деньги становятся основой для политического влияния, что подрывает принципы демократии и социального согласия. Капиталисты финансируют партии, лоббируют свои интересы, контролируют СМИ, подкупают экспертов и раздают фейковые статусы «специалиста».

Помимо власти, богатые подкупают и науку, чтобы результаты исследований искажались в интересах той или иной компании. Это крайне опасно для человечества, так как подрывает саму основу цивилизации — знание, а в случае фармацевтических фирм и напрямую вредит здоровью людей.

Исследования Ричарда Вилкинсона и Кейт Пиккетт (книга *The Spirit Level*) показали, что высокое неравенство связано со множеством неблагоприятных социальных показателей: низким уровнем доверия; высоким уровнем насилия; невротизмом и усилением социальной тревожности. Общество становится нервным: бедные ненавидят богатых.

Высокое неравенство снижает социальную мобильность. Хорошее образование, медицинская помощь, знания и консультации — доступны только богатым. В силу права наследования от самого рождения стартовые возможности сильно различаются, и о какой-либо честной конкуренции не может быть и речи. Капитализм декларирует равенство возможностей, но ведет к концентрации капитала, которая разрушает сами условия такого равенства.

Это приводит к потере человеческого капитала для общества в целом. Если талантливый ребенок рождается в бедной семье, то капитализм не дает ему реализовать свои возможности. Наоборот, богатый дебил имеет все возможности возглавить какой-нибудь институт и указывать ученым, что им делать. В то же время справедливо и разумно, чтобы общество максимально использовало способности всех своих членов.

Защитники капитализма часто утверждают, что рынок представляет собой честное соревнование, в котором каждый получает по своим способностям и труду. Однако такая модель предполагает, что участники начинают соревнование в сопоставимых условиях.

В то же время ребенок из обеспеченной семьи обычно получает лучшее образование, качественное медицинское обслуживание, безопасную среду, культурный капитал, полезные знакомства, финансовую поддержку и возможность спокойно строить карьеру без постоянного страха перед бедностью. Ребенок из неблагополучной семьи нередко лишен значительной части этих преимуществ еще до того, как начинает самостоятельно принимать решения. Если исходные условия настолько различаются, то разговор о полностью свободной конкуренции

становится простой идеологической демагогией, подобно рассуждениям какого-нибудь Леонида Брежнева на советском партийном съезде.

Неравенство не только не мотивирует людей работать, как утверждают некоторые либералы, но демотивирует. Бедные ненавидят богатых и не хотят работать на них. Человек хочет работать, если получает справедливое вознаграждение за свой труд, однако наличие богатых, которые все получают без труда, дискредитирует идею справедливого вознаграждения.

Если работник убежден, что крупные состояния в основном наследуются, в начальство все равно пролезет элита и шансов для карьеры у бедного никаких, то он считает свои усилия бессмысленными, работает только для реализации достижимых целей: за еду и жилье. Во всем остальном он напрямую заинтересован обманывать работодателя и саботировать достижение нужных ему результатов («не работать на дядю»).

Этот тезис хорошо подтверждается современной психологией, которая показывает, что человек мотивирован тогда, когда считает цель достижимой. Если же игра воспринимается как заранее проигранная, мотивация резко падает. Правила игры написаны не для бедных, ну так и зачем им садиться играть в карты с теми, у кого от рождения на руках четыре туза? Бедные мотивированы на случайную удачу, протест против богатых, саботаж, воровство и психологию неудачников. Результаты капиталистической системы прямо противоположны тем целям, которые она ставит.

Другой аргумент против равенства: кто будет делать неприятную или опасную работу при социализме? Надо сказать, что уже капиталистическое общество решает эту проблему через повышенную оплату, сокращенный рабочий день, дополнительные льготы для таких работников, и, самое главное, через автоматизацию. Социалисты, как сторонники общества, основанного на науке и техники, могут задать по этому поводу такой вопрос: если какая-то работа настолько неприятна, что люди готовы выполнять ее только под угрозой бедности, то может быть, именно эту работу прежде всего нужно автоматизировать? Развитие технологий должно освобождать человека прежде всего от тяжелого, опасного и унижительного труда, а не только повышать прибыль предприятий.

Уже сейчас многие профессии, которые раньше считались тяжелыми и непрестижными, благодаря механизации и улучшению условий труда стали значительно безопаснее и привлекательнее. Следовательно, задача общества — не закреплять существование «работы для бедных», но постоянно снижать тяжесть такой работы и расширять выбор человека.

Итак, проблема капитализма заключается не в том, что он допускает различия между людьми. Различия естественны и неизбежны. Проблема возникает тогда, когда различия превращаются в наследуемое экономическое и политическое господство, а общество начинает терять доверие, социальную мобильность и способности миллионов людей. Неравенство перестает быть стимулом и становится тормозом развития.

Аргумент 2. Рыночная система плохо работает с общественными благами.

Данный факт хорошо зафиксирован и буржуазной экономической теорией. Частный рынок очень плохо работает с проблемами, решение которых на приносит немедленной прибыли. А ведь это как раз критичные для существования человека проблемы: загрязнение природы, фундаментальные научные исследования, здравоохранение, образование и социальная инфраструктура.

В данном случае можно сослаться также на работы Элинор Остром, которая показала, что коллективное управление общими ресурсами во многих случаях успешно работает без приватизации и без жесткого государственного контроля, что показывает, что есть реальные альтернативные механизмы рынку.

Аргумент 3. Прибыль не совпадает с общественной пользой.

Цель капиталиста — прибыль, а не польза для общества. Однако деньги — это бумага. Людям нужно здоровье, питание, безопасность, знания, ну и наконец сырье для производства.

Но деньги не являются ничем из перечисленного, и в современном обществе это зачастую просто цифры на экране компьютера.

Следовательно, максимизация прибыли не равна максимизации блага. Это хорошо заметно, когда мы наблюдаем современный капитализм – загрязнение природы, биржевое мошенничество, вредные для здоровья товары, товары с запланированным устареванием, агрессивная реклама, раздувание потребления – все это не имеет никакого отношения к общественной пользе, но вполне очевидно вредит всем, кроме капиталистического мошенника, который на этом наживается.

Аргумент 4. Капитализм создает краткосрочное мышление.

Капиталистические компании в своей деятельности ориентированы главным образом на немедленное получение прибыли. Они должны показывать хорошие финансовые результаты каждый квартал, постоянно увеличивать стоимость акций, менеджеры получают хорошую зарплату только если они приносят деньги владельцу.

Это вызывает структурные проблемы капиталистического общества: долгосрочные проекты плохо инвестируются, культура и фундаментальная наука не нужны, природа загрязняется ради непосредственной прибыли, невозполнимые ресурсы, прежде всего нефть и газ, истощаются. Интересы будущих поколений полностью игнорируются. В итоге капитализм к 21 веку породил множество глобальных проблем, и человечество не знает, как их решить.

Аргумент 5. Капитализм плохо обращается со знаниями как главным ресурсом 21 века.

В индустриальном обществе главными ресурсами были земля, сырье, оборудование и постепенно нарастала роль специалистов. В информационном обществе, к которому мы переходим, главным ресурсом становятся знания, открытия, базы данных и алгоритмы. Однако по сравнению с материальными ресурсами природа знаний принципиально иная. Если один человек поделился с другим знанием, то у него оно не исчезает. Как хлеб в руках Иисуса Христа, знание размножается при его использовании.

Следовательно, экономика, построенная на исключительном праве собственности, в период господства информации как основного экономического фактора – противоречит природе того главного ресурса, который в этой экономике используется. Капитализм в эпоху информационных технологий не только сохраняет свои прежние противоречия, но и приобретает новые.

Итак, современная экономика все больше основана на знаниях, информации и глобальном сотрудничестве. Однако капитализм продолжает распределять ресурсы по логике частной прибыли. Чем сложнее становится общество, тем заметнее противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов.

Люди создают богатство вместе, а распоряжается результатами их труда небольшой круг собственников. Эта мысль Карла Маркса актуальна и до сих пор, и будет верной всегда, пока существует капиталистический строй.

3.

Государство – это насилие

От капитализма перейдем ко второй голове дракона угнетения, а именно к государству. Рассмотрим наши аргументы против него.

Аргумент 1. Государство основано на принуждении, что ограничивает личную автономию человека.

Государство является системой насилия в том смысле, что не спрашивает у человека согласия на то, к чему принуждает, поэтому на государство не распространяются принципы справедливого обмена: налоги берутся в любом случае, помогает ли государство каждому конкретному человеку или нет, за нарушение установленных правил полагаются наказания той или иной степени жестокости.

Ключевой вопрос в данном случае заключается в том, может ли принуждение быть легитимным. Анархисты однозначно считают, что государственное принуждение основано на монополии на насилие и поэтому рано или поздно должно быть устранено. Вместо «свободы» анархисты часто используют более точное слово «автономия», то есть свобода действовать в соответствии с собственными решениями, а не под давлением. Если автономия личности является для нас идеалом, то любое принуждение, независимо от его обоснования, воспринимается негативно, так как лишает человека возможности самому выбирать свои цели. Естественно, это не означает призывов нарушать действующие законы прямо сейчас, в чем часто обвиняют анархистов, смешивая их с уголовниками. Нет, это всего лишь рассуждение о том, что общество основано на неправильных принципах и необходимости эти принципы вместе с обществом изменить.

Понятие «автономия» принадлежит одному из основателей анархической идеи Пьеру-Жозефу Прудону, который отождествлял свободу с автономией (хотя свобода – более широкое понятие), а власть и государство как систематическую власть – с подавлением личности. Вместо этого, согласно этому мыслителю, общество должно выглядеть как федерация свободных ассоциаций, в которых люди добровольно договариваются о совместной деятельности.

В свою очередь наш соотечественник, русский социалист Михаил Бакунин делал акцент на институциональной природе принуждения: независимо от того, добрые правители или злые, государство как система неизбежно подавляет свободу, так как сам смысл его существования заключается в том, чтобы приказывать и контролировать. Поэтому Бакунин отрицал марксистскую концепцию пролетарского государства и ему принадлежит известная цитата «свобода без социализма – это привилегия и несправедливость, социализм без свободы – это рабство и скотство».

Также Роберт Нозик в своей работе «Анархия, государство и утопия» отмечает, что человек по природе обладает правом собственности на самого себя и результаты своего труда. Принудительное взимание налогов нарушает это право, изымая трудовой доход без согласия. Поэтому даже если цель государства – хорошая (что часто весьма сомнительно), методы ее достижения в любом случае аморальны.

Типичные примеры — это, например, принудительный призыв в армию даже если военная служба противоречит личным или религиозным убеждениям человека. Лицензирование профессий государством предоставляет ему возможность запретить кому-то заниматься трудом без прохождения определенной обязательной процедуры.

Обычный аргумент противников – при этом насилие защищает чьи-то права. Как отмечал Боб Блэк, «государство оправдывает насилие тем, что оно защищает чьи-то права – но на самом деле оно не может дать каких-либо прав, а только забрать их». В силу своего прагматизма (см пункт 2.3) анархисты часто считают, что насилие допустимо для защиты прав, однако сомне-

ваются именно в способности государства как иерархической системы эффективно защищать права, подтверждением чему являются многочисленные факты коррупции чиновников и участия целых государств в очевидных преступлениях против прав человека.

Аргумент 2. Государство порождает эксплуатацию и неравенство, создавая привилегии для определенных групп.

Государство не просто допускает, но активно порождает неравенство, социалистическое государство, как показал опыт СССР, принципиально невозможно. Раздавая привилегии одним группам против других, государство подрывает социальную сплоченность и порождает конфликты. Таким образом, социальные конфликты разжигают не анархисты, в чем их часто обвиняют, а именно государство и капитализм, которые грабят одних и обогащают других, что и порождает защитные реакции угнетенных.

Типичным примером является защита частной собственности в форме, которая позволяет концентрировать ресурсы в руках немногих, а также налоговые льготы и государственные заказы крупным фирмам. Исторически государство напрямую защищало власть феодалов и духовенства, фиксировало неравенство законодательно. После эпохи буржуазных революций равенство перед законом провозглашено основным принципом права, однако, как верно отмечает П.А. Кропоткин, всего лишь произошла смена привилегированного класса с феодалов на финансовых олигархов. Кроме того, через образовательную, трудовую и миграционную политику государство создает и поддерживает неравенство возможностей по признаку происхождения.

Обладея монополией на насилие, государство структурно порождает коррупцию. Хотя оно борется с ней, нет никаких примеров, чтобы коррупция была побеждена, очевидно это часть системы. Чиновники превращают свои полномочия в источник личных выгод, получая и раздавая неформальные привилегии, которые усиливают неравенство.

Здесь можно упомянуть следующих мыслителей. Жан-Жак Руссо разграничивал естественное и искусственное неравенство. Второе порождается государством, когда власть одних над другими возникает не от природы, а согласно созданным людьми институтам.

Также К. Маркс, Ф. Энгельс и вся марксистская традиция рассматривает государство как орудие правящих классов, в наше время в основном буржуазии. Оно поддерживает выгодные капиталистам институты: защищает собственность, подавляет социальные протесты, обеспечивает условия для эксплуатации как низших классов, так и целых колониальных стран. Под флагом неолиберализма все это в огромных масштабах происходит и до сих пор и даже усилилось.

Критика Михаила Бакунина еще более резкая и последовательная. Он писал: «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немисливо – вот почему мы враги государства». Петр Кропоткин говорил, что государство и капитализм неразделимы, одно создает условия для существования второго. Вот его размышления по этому поводу: «Государство, в совокупности, есть общество взаимного страхования, заключенное между землевладельцем, воином, судьей и священником, чтобы обеспечить каждому из них власть над народом и эксплуатацию бедноты».

Современный американский ученый Ноам Хомский показывает, что концентрация богатства ведет и к концентрации власти, которая служит богатым и издает законы в их интересах. При этом Хомский указывает на такие меры как дерегуляция и фискальная политика, которые в период неолиберализма усилили связь капитала и государства, теперь они окончательно неразделимы.

Негативные последствия социального неравенства уже были рассмотрены в предыдущем параграфе, можно суммировать их следующим образом: снижение социальной мобильности; рост социальной напряженности и конфликтов; подрыв демократических институтов и самой

идеи народовластия, так как богачи подкупают якобы демократическую власть; несмотря на экономический рост, качество жизни у большинства населения падает, так как все преимущества роста достаются богатым.

Аргумент 3. У государства нет обратной связи с каждым человеком

Фундаментальная проблема государства заключается в том, что даже при честных чиновниках (которых мы никогда не видели) оно не в состоянии знать миллионы индивидуальных ситуаций, а претендует на то, чтобы их контролировать. Это отмечали даже либералы вроде Хайека.

В то же время являющаяся система управления эффективна лишь тогда, когда получает достоверную информацию об объекте управления. В технике это называется обратной связью. Автопилот самолета постоянно получает данные о высоте и скорости, термостат — о температуре помещения, современный искусственный интеллект — о результатах своих действий. Без обратной связи управление неизбежно становится грубым и ошибочным.

Однако государство о миллионах своих управляемых подробной и точной информации получить просто не может. Здесь можно упомянуть книгу Джеймса Скотта *Seeing Like a State*, где эта идея изложена достаточно подробно. Отдельный человек и сам себя не знает: у него постоянно меняется настроение, здоровье, семейная ситуация, он развивает свои способности или деградирует, у него наконец меняются планы. Всю эту сложную ситуацию государство упрощает до категорий налогоплательщика, пенсионера, предпринимателя и так далее.

В то же время универсальные правила часто несправедливы в конкретной ситуации. Например, один человек проработал на шахте в тяжелых условиях, другой в теплом офисе. Исходя из их доходов, пенсия им может быть установлена одинаковая, хотя вреда для здоровья в шахте значительно больше. Государство в РФ пытается учитывать это, бесконечно усложняя пенсионное законодательство и вводя все новые льготы, что увеличивает затраты на чиновников, но не решает проблему до конца.

Далее, в иерархической системе нижние уровни постоянно передают информацию верхним. Однако по пути она неизбежно теряется и искажается. В результате высшие руководители принимают решение не на основе фактов, а на основе докладов, подобно человеку, который судит о вкусе торта по этикетке.

Важнейшей проблемой обратной связи в государстве, о чем постоянно говорили анархисты, является отсутствие ответственности чиновников перед конкретными людьми. Человек принадлежит государству просто по факту нахождения на какой-то территории и не может отказаться от его услуг. Поэтому поставщики государственных услуг не борются за потребителя, как коммерческие фирмы — он никуда от них не уйдет. Одно начальство отвечает перед другим начальством, а не перед теми, кому якобы служит государство.

Ранее сторонники иерархии возражали, что при всех вышеупомянутых проблемах, наличие которых они в той или иной форме признают, работу больших коллективов трудно координировать без бюрократических систем, а именно крупные заводы, армии и тому подобное были критичны для успеха в двадцатом веке. Однако сейчас появились многочисленные технологии, которые позволяют координировать деятельность без начальников. Это Интернет, искусственный интеллект, распределенные базы данных, электронное голосование, цифровые платформы и другие средства мгновенной обратной связи, которые будут более подробно рассмотрены в третьей главе работы.

Главным ограничением XIX века была нехватка информации, что требовало бюрократии. Однако главным преимуществом XXI века становится избыток информации, что делает бюрократию бессмысленной.

Сторонники государства изображают его как всевидящего и всезнающего полицейского. Однако в действительности оно похоже на человека, который пытается руководить огромным

городом, наблюдая за ним через маленькое мутное окно. Или на пастуха, который воображает, что управляет стадом, получая фотографии коров и не выходя из дома.

Чем сложнее становится общество, тем сильнее разрыв между разнообразием человеческой жизни и возможностями централизованного аппарата учитывать это разнообразие. Поэтому проблема государства заключается не только в злоупотреблении властью, но и в фундаментальной ограниченности любой системы, которая пытается принимать решения, не зная и не имея возможности знать состояние тех, о ком эти решения принимаются.

Государство вынуждено относиться к разным людям одинаково, потому что не способно узнать их достаточно хорошо. Самоуправление, наоборот, позволяет учитывать различия как раз потому, что решения принимают те, кто непосредственно знает ситуацию. Это один из ключевых аргументов анархизма.

Аргумент 4. Государство ограничивает свободу в интересах доминирующих групп

Здесь важен не только факт несправедливости доминирования одних над другими, но и объективную неэффективность группового господства, особенно в долгосрочной перспективе.

Государство часто называют выразителем интересов всего народа. Но возможно ли, чтобы одна система управления одновременно одинаково хорошо представляла интересы миллионов людей с разными взглядами, профессиями, возрастом и образом жизни?

На практике государство почти всегда принимает решения, выгодные одним группам и менее выгодные другим. Вопрос заключается не в том, существует ли такое предпочтение, а в том, насколько оно становится устойчивым и превращается в механизм господства.

Исследования Олсона Манкура показали, что небольшие организованные группы часто успешнее продвигают свои интересы, чем многочисленное, но плохо организованное большинство. Такие группы быстро приходят к единому решению, захватывают ключевые ресурсы – деньги и связи, хорошо приспособлены к системе принятия решений именно в условиях государства, когда решения принимают немногие и достаточно захватить деньги и контроль над немногочисленными должностными лицами, чтобы доминировать.

В то же время доминирующая группа полностью разрушает идею государства как *res publica*, то есть какого-то общественного дела. Группа (необязательно чиновники или капиталисты) продвигает решения, выгодные только себе. Здесь можно также упомянуть знаменитый принцип Роберта Михельса, а именно «железный закон олигархии»: даже демократические организации со временем склонны к концентрации власти в руках руководства.

Правые и либералы уверяют нас, что в иерархической системе управляют лучшие. Но откуда мы знаем, что доминирующая группа, принимающая решения в своих интересах – действительно лучшая из возможных?

Именование «элиты» используется обычно в отношении группы, которая просто фактически захватила политические ресурсы, и после этого приписывает себе некое объективное превосходство идей или способностей (как КПСС в СССР). Но люди, оказавшиеся вне этой элиты, теперь уже не влияют на процесс принятия решений, что приводит к потере различных ценных предложений, их просто не слушают. В закрытой группе, согласно исследованиям Джениса Ирвинга, развивается *groupthink* - сплоченные руководящие группы начинают переоценивать собственную правоту, не замечать ошибок и игнорировать альтернативные мнения. Это и означает деградацию группы именно в плане способности эффективно управлять.

Любая доминирующая группа начинает постепенно отбирать не самых талантливых, а самых лояльных, так как власть – главный ресурс в государственной системе, а насколько она полезна для общества – дело десятое. Самое главное – захватить власть, для чего нужна покорность и сплоченность внутри правящей группы.

Факт доминирования разрушает доверие общества к власти, которой манипулирует «элита». Если значительная часть людей убеждена, что решения принимаются в интересах узкой группы, они чувствуют себя отчужденными от общества. Среди них распространяется цинизм, желание обходить законы, написанные другими и в интересах других. Правила соблюдаются только под страхом наказания, что подрывает социальную стабильность. Попытки поддерживать солидарность власти и подданных за счет нарративов (религия, патриотизм и так далее), то есть за счет рассказов, наталкиваются на суровую реальность материального господства определенных групп, которая противоречит сказкам пропаганды.

Доминирование ограничивает развитие общества, которое по мере технического прогресса необратимо усложняется. Чем уже круг принимающих решения, тем меньше интеллектуальных ресурсов использует общество. А ведь главным богатством в наше время являются не нефть, не заводы и не армия, а миллионы человеческих умов. Система, которая позволяет принимать решения лишь небольшой группе людей, неизбежно использует лишь малую часть этого интеллектуального потенциала.

Итак, проблема заключается не в том, что существует "неправильная" элита, которую можно заменить "правильной". Проблема заключается в самом механизме устойчивого господства. Любая группа, получившая возможность длительно принимать решения без полноценной обратной связи и конкуренции идей, постепенно начинает защищать прежде всего собственные интересы. Поэтому задача свободного общества состоит не в поиске идеальных правителей, а в создании институтов, которые не позволяют никому превратить временное влияние в постоянное господство.

Аргумент 5. Государство искажает и подавляет естественные механизмы сотрудничества.

Защитники государства обычно говорят нам, что если исчезнет центральная власть, общество быстро погрузится в хаос. Однако этот взгляд основан на представлении, что порядок создается исключительно приказами сверху. Но действительно ли человеческое сотрудничество возникает только благодаря принуждению?

История, биология и современная наука о сложных системах позволяют дать иной ответ. Люди способны создавать устойчивые формы взаимодействия самостоятельно, а чрезмерное государственное вмешательство нередко ослабляет именно те механизмы, которые делают общество жизнеспособным.

Здесь можно упомянуть фундаментальную работу Петра Алексеевича Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции», где этот выдающийся биолог 19 века на большом количестве примеров из жизни зверей и людей показывает, что человек, как и другие общественные животные, выжил как вид не благодаря постоянной войне всех против всех, а благодаря способности сотрудничать. Взаимная помощь, прежде всего в форме традиционной общины, возникла задолго до государства, никак в нем не нуждается, и более того централизованная власть как раз и разрушила общину прямо на наших глазах в 19-20 веке.

Государство уничтожает естественное самоуправление различными способами. Прежде всего, оно просто его вытесняет. Например, если раньше в деревне ломался мост, то его ремонтировала община. Теперь люди ждут помощи государства, ведь они платят налоги и их приучают вместо самостоятельных действий писать обращения к бюрократической машине.

Государство ослабляет чувство личной ответственности, общество утрачивает культуру добровольного участия в решении совместных проблем, характерную для здорового общества. Вместо этого все говорят: «Пусть власти разбираются», «Это не мое дело», «Мне за это не платят», и так далее. Но это психологическая позиция раба, а не свободного человека.

В то же время исследования Элинора Остром показали, что многие сообщества десятилетиями и даже столетиями успешно управляли общими ресурсами без жесткого государ-

ственного контроля и без полной приватизации. За эти эмпирические исследования, подтвердившие выводы П.А. Кропоткина, Э. Остром получила Нобелевскую премию по экономике.

Государство не только подавляет старые формы солидарности, но и мешает развитию новых. Когда тысячи людей самостоятельно ищут решения, общество получает огромное разнообразие идей. В то же время централизованная система неизбежно стремится к унификации, предлагая одинаковые инструкции и правила для всех. Однако разнообразие является одним из главных условий развития и в обществе, и в природе.

Есть распространенное возражение противников самоуправления: если рухнет правоохранительная система, сильные начнут угнетать слабых, не считаясь ни с какими правилами, города будут просто разграблены бандитами. Этот аргумент абсурден: сильные уже прекрасно угнетают слабых с помощью государственной машины, а цивилизация как таковая уже в опасности от глобальных кризисов, которые породили капитализм и его бюрократическая обслуга: войн, экологической катастрофы, бедности и вызванной ей глобальной миграции и так далее.

В данном случае проблему локального доминирования предлагается решать созданием института, который обладает еще большей монополией на принуждение и еще большей силой доминирования. Анархизм предлагает другой путь: развивать механизмы взаимного контроля, самоуправления, добровольных объединений, свободной прессы и социальной инициативы, чтобы ограничивать господство без создания новой пирамиды власти.

Государство часто рассматривается как источник общественного порядка. Однако не менее важным источником порядка являются доверие, взаимная помощь, локальные сообщества и добровольное сотрудничество. Чем больше общество полагается исключительно на централизованный аппарат, тем слабее становятся эти естественные механизмы. В результате люди все чаще ждут решения сверху и все реже пытаются решать общие проблемы самостоятельно.

Следует заметить, что XXI век дал множество примеров взаимопомощи людей без государства на основе современных технологий, то есть значимая современная альтернатива существует, что мы рассмотрим более подробно в третьей части работы.

Мать

В данной главе будет рассмотрена методология, которая может быть положена в основу социализма. Чтобы построить новое общество, нужно избавиться от предрассудков старого, и современная философия предоставляет нам широкий выбор инструментов для этого.

1. Не верить, а проверять

На протяжении большей части истории человечество жило в мире, где главным источником истины считался авторитет. Жрецы, правители, традиция и авторитеты давали готовые объяснения, которым предлагалось верить

Однако современная цивилизация возникла не потому, что люди во что-то верили, а потому, что они проверяли. Научный принцип верификации должен стать основой как для анализа современного общества, так и построения справедливого общества будущего.

Важнейшей мировоззренческой предосылкой является принцип наличия объективной реальности. Мир существует независимо от наших желаний, убеждений и представлений о нем. Это кажется очевидным, но именно здесь проходит фундаментальная граница между научным мышлением и различными формами иррационализма.

Природа не меняется от того, что думают о ней люди и каким богам они молятся: гравитация тянет вниз к земле независимо от того, верит кто-то в нее или нет. Микробы вызывают болезни независимо от веры в их существование. Следовательно, существует реальность, которую человек может познавать, хоть и не может познать ее до конца.

Главная идея философии науки, то есть позитивизма, заключается в том, что любые утверждения о мире должны опираться на опыт и возможность проверки, традиция же в качестве источника истины полностью отвергается. Утверждения о наличии каких-либо непроверяемых сущностей трактуются как бессмысленная метафизика.

В основе современной науки и всех ее достижений лежит принцип критического мышления, критика является основным механизмом развития науки, в то время как любая догматика защищается от критики и боится ее: в этом и заключается фундаментальное различие, и потому наука никогда не может быть последовательно согласована с религией или любой другой системой взглядов, основанной на вере: они противоречат просто по основному методу.

Сторонники мистики могут говорить, что наука изучает только материальный мир, но якобы существуют другие миры и другие способы их познания (обычно имеются в виду галлюцинации от голода, истерики или психоактивных веществ). Но если утверждение касается объективной реальности, оно должно иметь объективные основания. В том и преимущество науки, что она проверяет свои утверждения, и потому ее методы работают для всех людей: лекарство лечит болезнь всегда, компьютер включается у всех, автомобиль ездит на бензине, а не на мистических песнопениях.

Важнейший принцип позитивного мировоззрения, выдвинутый еще основателем этой идеологии Огюстом Контом – принцип прогресса через знание. Историческое развитие подтвердило эти идеи Конта. Люди победили многие болезни, увеличили продолжительность жизни, создали искусственный интеллект и совершили много всего хорошего и полезного, - и все это благодаря только одной идее: сначала нужно понять мир, а затем изменять его.

Исторически наука постоянно сталкивалась с ситуациями, когда авторитетные представления о мире оказывались неверными. Земля не оказалась центром Вселенной. Болезни не оказались результатом «дурного воздуха» или преступлений против правительства. Наследственные признаки не оказались результатом мистических сил.

Развитие науки на основе критического мышления, особенно за последние 300 лет, когда этот метод утвердился, показало, что ни власть, ни авторитет не гарантируют истины, а любое решение должно проверяться результатами. Классики анархизма, следуя научному методу, распространяли его и на общество, показывая, что обоснование власти традицией или непроверяемым превосходством элиты не имеет никакого смысла. Научное мировоззрение постепенно подрывает сам принцип безусловного авторитета. Именно поэтому оно естественно связано и с идеей свободного общества.

Итак, позитивизм начинается с простой мысли: мир не обязан соответствовать нашим желаниям. Поэтому задача человека — не искать подтверждения собственным убеждениям, а постоянно проверять их реальностью. Именно этот принцип сделал возможной современную науку и технику. Но он имеет более широкое значение: общество, которое хочет быть свободным и разумным, также должно строиться не на вере в непогрешимых авторитетов, а на открытом поиске проверяемого знания.

Наука является не просто одной из областей культуры, но это самый успешный коллективный проект человечества. За несколько столетий научное мышление изменило жизнь людей сильнее, чем тысячи лет традиций, мифов и метафизических философских рассуждений. Еще недавно большинство людей умирало от инфекций в раннем возрасте; путешествия занимали месяцы; средняя продолжительность жизни была примерно сорок лет; большинство населения не имело доступа к систематическому образованию.

Сегодня человек может связаться с любой точкой планеты за мгновение; болезни, считавшиеся смертельными, контролируются медициной; сложнейшие машины работают по расчетам, проверенным экспериментом; человечество исследует космос и создает равный себе искусственный интеллект. Это очевидное доказательство превосходства научного метода над всеми другими.

В традиционном обществе истина часто определялась статусом говорящего и это до сих пор является явным признаком отсталости и дикости: когда спрашивают, не что говорят, а кто говорит. Именно научная революция создала другой принцип: даже самый великий авторитет может ошибаться, а неизвестный исследователь может оказаться прав. Это радикально изменило отношение человека к знанию, так как истина перестала зависеть от положения человека в иерархии. Наука фактически реализует принцип интеллектуальной анархии: никакой человек не обладает монополией на истину.

Очевидный пример — древняя медицина, основанная на авторитете и традиции, мутных рассуждениях о первоэлементах и жидкостях, не победила самых обычных инфекций. Медицина, основанная на наблюдении, анализе статистики и экспериментах открыла вакцины, антибиотики и прекратила массовую смерть детей от чумы, оспы и холеры. Медицина стала эффективной не тогда, когда люди стали больше верить врачам, а тогда, когда врачи перестали верить в древние теории, а начали проверять их.

Другим примером торжества науки является современная техника, полностью основанная на идее проверки авторитета реальностью: самолеты, ракеты, автомобили, компьютеры — все это мы видим вокруг нас и все это работает. Можно себе представить, каких невиданных успехов достигнет человечество, если принцип авторитета будет оставлен и в социальной сфере и какими семимильными шагами пойдет прогресс в эпоху анархии.

Критики науки часто указывают, что ученые периодически ошибались в том или другом. Однако именно это и является важнейшим аргументом в пользу науки. Наука не боится ошибок — если данные не соответствуют теории, она просто меняет теорию. А сторонники традиции вынуждены вечно защищать свои давно опровергнутые представления презренным путем истерик и демагогических выкрутасов.

Победа науки не завершилась: она победила в объяснении природы, но общество все еще управляется авторитетами. Деспот на земле нуждается в деспоте на небе, как говорил Михаил Бакунин, и потому отсталое общество воспроизводит и навязывает отсталые, авторитарные формы мировоззрения. Мы используем научную медицину, технику, коммуникации; однако политические и социальные решения часто принимаются через борьбу интересов доминирующих групп, ссылки на традиции и эмоции. Человечество доверяет научному методу, когда строит ракету, но часто отказывается от него, когда строит общество. Поэтому позитивизм должен стать прежде всего социальной философией, о чем мечтали и О. Конт, и П.А. Кропоткин.

Освободиться от господства людей можно только тогда, когда общество научится подчиняться не людям, а проверяемой реальности. Поэтому эта часть книги и называется «Мать» - критическое мышление как главный принцип социальной революции и будущего общества.

Исторически социализм возник как реакция на бедность и неравенство, а также очевидную несправедливость капиталистического общества. Однако научные социалисты всегда задавали вопрос: «Какие объективные механизмы создают эти проблемы и как их изменить?»

Приведем конкретные исторические примеры. Основатель позитивной философии Огюст Конт был непосредственно связан с социалистом Сен-Симоном и является его учеником. Сен-Симон выступал за общество, где управление должно основываться не на наследственной аристократии и военной власти, а на знаниях, науке и производительном труде. У Конта эта идея получила философское развитие. Он создал позитивизм как учение о том, что человечество должно перейти от религиозного и метафизического объяснения мира к научному, имея, как и Сен-Симон, основной целью построение общества, основанного на знании, а не традиции.

Классик анархизма Пётр Кропоткин не считал социализмом просто моральным протестом против власти. Он постоянно подчеркивал его научный характер. Известен его лозунг: «Анархия — это наука».

Для обоснования социалистических идей Кропоткин исследовал реальные биологические и поведенческие механизмы: эволюцию; взаимную помощь; исторические формы самоорганизации. Вместо морализаторства он пытался показать, что биологически и исторически сотрудничество является важным фактором развития человеческого общества. Именно поэтому его анархизм был связан не с отрицанием порядка, а с поиском более естественных механизмов порядка, что и выражается в известном лозунге «Анархия – мать порядка».

После краха СССР и правого, реакционного поворота в общественной мысли 1990-ых годов распространились антинаучные релятивистские представления, прямо направленные против позитивной философии и ее принципов, очевидно имеющие своей целью также и сохранение тормозящих прогресс принципов социальной иерархии. Это прежде всего постмодернизм и другие антисциентистские направления. Для дискредитации науки и самого принципа объективной реальности они занимаются бессмысленной болтовней и демагогией, а социальные последствия этой деятельности хорошо оплачиваемой буржуазной профессуры очевидны.

Если человек считает, что все истины относительны, никакой объективной реальности нет, а любое мнение (даже естественно-научная теория) просто выражает интересы какой-то группы, то возникает практическая проблема: как тогда бороться с реальными социальными проблемами?

Как доказать, что экологическая катастрофа действительно существует; что определенная экономическая система имеет негативные последствия; что конкретная политика эффективна или вредна? Если все сводится только к столкновению субъективных мнений, общество теряет способность к рациональной дискуссии. Тогда вместо исследования причин проблем остается только борьба эмоций, к чему и сводится содержание политических высказываний буржуазной прессы в текущий период позднего капитализма. Постмодернистский релятивизм успешно подпирает этот прогнивший и давно ненужный человечеству социальный строй своей позорной клоунадой и примитивными лингвистическими выкрутасами. С этой позицией, очевидно вредной для человечества, нужно бороться всеми силами.

Научный социализм не утверждает, что готовый план построения идеального общества найден: знали бы – сделали. Но он призывает изучать факты, проверять гипотезы, исправлять ошибки, использовать новые знания – и прийти к царству справедливости через критическое мышление, используя научный метод – точно также, как мы построили уже царство техники. Если мы уже эффективно используем науку для управления энергией, транспортом и произ-

водством, почему мы должны отказываться от нее при организации самого общества? Если наука освободила человека от власти природной стихии, то научный подход к обществу может освободить его от власти слепых социальных процессов.

Свобода начинается не с отрицания знания, а с его расширения. Человек становится свободнее тогда, когда понимает причины происходящего и получает возможность сознательно изменять условия своей жизни. Научный анархизм должен изучить реальность и эффективно ее переделать.

2. Не люди, а отношения

Чисто позитивистская методология для анализа социальных процессов часто недостаточна и справедливо критикуется в этом плане. Позитивизм совершил огромный переворот: он научил человечество требовать доказательств. Но возникает следующий вопрос: достаточно ли просто собрать огромное количество фактов? Можно иметь миллионы наблюдений, но без понимания связей между ними они остаются хаотичным набором данных. Относительно общества возможно наблюдать и описывать отдельные войны, революции, социальные конфликты, устанавливая только непосредственные связи без всяких общих объяснений ситуации.

Но задача науки — не только описывать события, она должна понимать структуры, которые делают эти события возможными. Поэтому критическое мышление должно сочетаться со структурным подходом, который является частью более общей системной методологии.

Рассмотрим основные принципы структурализма.

1. Целое больше суммы частей

Чтобы понять явление, недостаточно изучить его элементы отдельно, нужно понять отношения между ними. Например, организм — не просто набор органов, но это главным образом система взаимодействий между ними, сами по себе сердце, легкие или мозг без связей просто не будут жить и немедленно погибнут. В языке, как это установил еще Фердинанд де Соссюр, и звуки, и слова получают свое значение только благодаря своему месту в языковой системе.

Точно также и в обществе более важны системные связи, чем действия отдельных политиков, предпринимателей или активистов. Структурный анализ должен показать, какие структуры воспроизводят коррупцию чиновников, бедность и другие негативные явления. Почему, несмотря на множество благих пожеланий, преступность и войны возвращаются вновь и вновь? Исследования Клода Леви-Стросса показали, что самые разные культуры имеют определенные глубинные структуры организации мышления, которые формируют далее социальные системы. Анархизм критикует не отдельных плохих правителей, а структуры, которые создают саму возможность господства.

Обратимся к достижениям европейского структурализма в анализе общества. Структурное мышление не появилось внезапно в XX веке. Оно стало результатом длительного развития науки. На ранних этапах познания человек стремился прежде всего классифицировать отдельные объекты, что наиболее ярко наблюдается в системе Карла Линнея, где растения просто разложены по полочкам в зависимости от строения цветка. Этот этап помогал накапливать знания, но наука неизбежно наталкивалась на то, что объекты не являются просто набором каких-то признаков, а более важны связи между ними.

Одной из важнейших предпосылок структурализма стало развитие представления о сложных системах в естественных науках, в особенности в биологии XIX века, которая постепенно отходила от простого описания организмов, исследуя физиологические процессы.

Большое влияние на становление системного подхода оказала также идея эволюции, которая предполагала не просто классификацию форм, а описание их развития в процессе взаимного влияния живых организмов друг на друга. Однако подлинным началом структурализма стали работы швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, идеи которого произвели революцию в понимании языка.

Соссюр предложил взгляд на язык как систему отношений: слово имеет значение не только потому, что связано с определенным предметом. Оно получает смысл благодаря различию с другими словами. Например, мы понимаем значение слова «день», потому что есть также слова «ночь», «вечер» и «утро». Значение возникает внутри системы.

Также Соссюр разделил изучение языка в диахронии (как он менялся исторически) и синхронически (как он в настоящий момент устроен). Это позволило рассматривать структурно именно состояние системы в синхронии, так как постоянное изменение элементов во времени мешает рассматривать отношения между ними. Абстрагируясь от времени, мы получаем устойчивые связи между элементами. Язык предстает как некие шахматы, в которых важно не происхождение каждой фигуры, а ее место в общей системе правил.

Следующим этапом стало развитие идей Соссюра в 1920–1930-е годы, в котором особую роль сыграл Пражский лингвистический кружок, прежде всего Роман Якобсон и Николай Трубецкой. Они развивали структурный анализ звуковой системы языка. Основная идея была спроецирована на фонетику: фонема определяется не только физическим звучанием, а тем, какую роль она играет в различении значений.

Следующим большим этапом стало распространение структурного метода за пределы лингвистики, где основную роль сыграл уже упомянутый нами Клод Леви-Стросс. Он изучал мифы, обычаи и социальные структуры различных народов. Его интересовала проблема - почему культуры, кажущиеся совершенно разными, часто имеют похожие структуры мышления? Он предположил, что человеческое сознание организует опыт через определенные устойчивые схемы, главным образом бинарные (жизнь и смерть, свой и чужой).

С этой позиции мифы и другие нарративы изучались как система отношений между элементами: важно не отдельное содержание мифа, а то, как его части связаны между собой. Подобно тому как предложение имеет смысл благодаря грамматике, миф имеет смысл благодаря своей структуре.

В 1950–1960-е годы структурализм стал одним из главных интеллектуальных направлений во Франции. Здесь можно упомянуть таких авторов, как Роланд Барт (культура как система знаков), Луи Альтюссер (попытка построения концепции структурного марксизма), Жака Лакана (структурный психоанализ).

Параллельно развивались направления, которые не всегда называли структурализмом, но они были близки и образуют ныне общее понятийное поле системного подхода:

- общая теория систем;
- кибернетика;
- теория информации;
- исследование сложных систем.

После определенного кризиса классического позитивизма в конце прошлого века, на мой взгляд, рано или поздно станет возможным построение новой общенаучной методологии на базе системного подхода.

В этом контексте важны идеи Людвиг Берталанфи, который видел в общей теории систем инструмент для преодоления разобщённости наук. Он подчёркивал, что системный подход даёт язык для описания сложных, динамических объектов — от биологических до социальных, — и тем самым создаёт предпосылки для единой методологической рамки. В этом смысле его позиция прямо поддерживает гипотезу о возможности новой общенаучной методологии: не отменяющей частные методы, но задающей принципы их координации.

Перейдем к использованию структуралистских идей в левом социальном анализе. Обыденные объяснения («бедный - значит ленивый») рассыпаются, как только мы признаём, что поведение становится массовым благодаря устойчивым структурам — и именно этот сдвиг сделал структурализм естественным союзником социалистической теории. Для неё системные методы перестали быть нейтральным аналитическим приёмом: они стали способом показать, что борьба с несправедливостью — это не про «исправление людей», а про изменение правил игры, по которым общество воспроизводит неравенство. Отсюда и интерес разных социалистических школ к системным подходам: они дают язык, позволяющий одновременно диагностировать проблему и проектировать её преодоление.

Надо сказать, что сам Карл Маркс не был структуралистом — структурализм оформился позже, и его истоки лежат совсем в другой традиции. Но в одном он действительно опережал своё время: он настойчиво пытался строить не моральную, а научную теорию общества, уводя разговор от «плохих людей» к устойчивым общественным отношениям — собственности, труду, власти, зависимости наёмного труда от капитала. Таким образом, классический марксизм может пониматься как первая масштабная попытка подойти к обществу как к целостной, внутренне связанной структуре, где поведение людей определяется не личными качествами, а правилами игры. Именно поэтому фигура Маркса остаётся удобной точкой опоры, когда речь заходит о том, что системный анализ социальных механизмов — не новомодное изобретение, а давняя и вполне осмысленная интеллектуальная линия.

Одним из главных примеров связи структурализма и социализма является французский философ Луи Альтюссер, который пытался переосмыслить марксизм с помощью структуралистского подхода. Альтюссер, вслед за Грамши, решительно отходит от упрощённого марксизма, который сводил устройство общества к одной лишь экономике и представлял остальные сферы как послушные «надстройки». Такой подход ещё в XIX веке справедливо критиковали анархисты — Бакунин и Кропоткин, настаивая, что общество не сводится к экономическим отношениям и нельзя объяснять всё через базис. Альтюссер подхватывает эту интуицию и переводит её на язык системного анализа: он показывает, что политика, право, образование, культура и идеология — не просто следуют за экономикой, а образуют вместе с ней сложную, переплетённую систему, где уровни взаимодействуют и влияют друг на друга, а не выстраиваются в жёсткую лестницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.